

КОГАН
Лев Наумович

«Я ДУМАЛ, ЧУВСТВОВАЛ, Я ЖИЛ...»

Вчитываясь в эти стихотворные строчки, разбросанные по многим и разным годам, не можешь не ощущать, как похожи они на их автора. Здесь слышится — так кажется мне — самая главная любовь Льва Наумовича, такой крупной, сложной, такой удивительной личности, — любовь к жизни. Жизни, которая выпала ему на долю, обнажившись во всех своих противоречиях, — в вере и безверии, свободе и несвободе, в счастье и несчастье. И именно эту, тяжелейшую жизнь XX века, нашу с Вами жизнь, он безмерно любил. Особая его привязанность к «земному бытию», к малому и большому — ко всему, что происходит вокруг, — придает его стихотворному слову очертания знакомого и близкого лица. Лица, поразительно живого — в радости, в горечи, в сомнениях, в одобрении, в несогласии — и в то же время предельно естественного и искреннего — и в личных, и в больших, всеобщих (люди, университет, страна) проявлениях. Даже в самой набросочности, неокончателной выверенности некоторых из этих, почти дневниковых стихов, которые трагически-нечаянно пришли к нам, — открывается такая когановская, такая прекрасная способность выплеснуться, высказаться обо всем, что тревожит, — открыто, сильно и беспокойно. Он жил полной мерой — мы чувствуем это — в каждой, трудной и счастливой, ситуации своей и нашей жизни. Он жил, совпадая в этом своем состоянии с поэтом, чьи слова, которыми мы озаглавили эту публикацию, оказались столь близкими мироощущению Льва Наумовича Когана. Спасибо ему за его, трогающие наши сердца, строки и, главное, за его большое сердце, отозвавшееся в них...

В.В. Эйдинова

Летом, в белой тополиной вьюге,
Осенью, в березовую тень,
Думаю, каким он будет
Мой последний, неизбежный день.

Он придет, придет неотвратимо,
Зачеркнет привычные мечты,
Оторвет от дел моих любимых
Известью очерченной черты.

И когда, заране торжествуя,
Смерть придет и скажет мне:
 «Ложись!»
Я отдам нескладную, косую,
Начерно начертанную жизнь.

В этот миг, короткий миг
 прощанья
С тем, кем был когда-то
 в жизни я,
Вдруг придут ко мне
 вспоминанья
Радостью земного бытия.

Нелегко в одно мгновенье
Пережить минувшие года
Боли, счастья, радости, сомненья,
Дни веселья, месяцы труда.

Пусть чего-то в жизни не добился,
Пусть не смог, не смел,
 не дотянул,
Пусть ошибся, пусть не доучился,
Пусть не там, не так, не в тех
 влюбился,
Пусть не ту мелодику тянул.

Знаю я: дорогой в неизвестность
С теми, кто со славою дружил,
Я один пойму, что значит слово
 «вечность».

Я не лез, не двигался,
 Я — жил!
 Москва. 1961 г.

БЕЛАЯ ОБЕЗЬЯНА

Там, где золотистые лианы
Грозди звезд бросают в океан,
Белая, смешная обезьяна
Завелась средь рыжих обезьян.

Всех других не хуже и не лучше,
Из лиан не строила свой дом...
Презирала их благополучье
И вертела дерзостным хвостом.

И хотя случались переделки
И ворчал сердито павиан,
Ей прощали все ее проделки:
Мало в джунглях белых обезьян!

Годы шли, от них уже
 не спрячешься,
В старости любой вопрос не прост,
А она по-прежнему дурачилась
И держала вертикально хвост!

Как в былые дни набеги делала
На поля чужие и сады...
И осталась обезьяна белою,
Только белою... от седины.

1967 г.

* * *

Как же мы с тобою не сумели
Тень былого чувства удержать?
Где-то в изголовии постели
Затерялась глупая душа...

Зря теперь стараемся упрямо
Дней минувших призрак
 возвратить...

Так порой висят в музее рамы,
А холсты в запасник унесли!

1974 г.

* * *

Как мало в жизни надо:
В далекой стороне
Девчонка в Эльдорадо
Скучает обо мне!

Приди ко мне, послушай,
На комнаты взгляни —
Здесь и ковры и души
Укутаны в пыли...

По пыли долго плыли мы,
Блуждая наугад,
И в темноте забыли,
Как звезды в ночь летят.

От маленькой лампы
Ни света, ни тепла...
Ну, где ты, Эльдorado,
Волшебная страна?

Кто жить меня научит,
Чтоб время пережить.
Как все мы любим мучить
И близких, и чужих.

Но синюю заплатю
На рубище сукна
Сверкает воровато
Волшебная страна!

Есть в глупых снах отрада,
Мне грезится во сне —
Девчонка в Эльдorado
Скучает обо мне.

1978 г.

* * *

Я буду жив, пока на свете — ты,
Как грустные осенние цветы,
Как запахи увядших в вазе роз,
Как лучик Солнца в золоте волос,

Как тень сугроба под твоим окном,
Как тихий голос ночью перед сном,
Как шепот волн в вечерней

тишине,

А, может быть, как память
обо мне!

1981 г.

ТИХИЙ ОКЕАН

I

Вы в такую тоску
никогда не поверите...
тонут черные сосны во мгле,
как в волне.
Лишь одни зачумлённые,
глупые чёрты
Вечерами пасутся
На этой пустынной земле.

Океан, как прораб,
Ежедневный прилив измеряет
Грязной лентой траншей...
С сонным берегом

в вечной вражде.

Из-под кручи ракушек и
длинных седых ламинарий
Вылез серенький краб
И устало потопал к воде.

Здесь на клумбах

могли бы расти орхидеи,

Ветром первой любви

Вас валила бы с ног резеда...

В придорожных канавах

Охрипли лягушки, балдея,

Словно клуб знатоков

В телеконкурсе «Что, где, когда?»

Может, в жизни курортов

изнеженных мало?

Не за длинным рублем,

а по глупости вечной своей

Мы стремимся в забытый богами

Макаров,

Чтоб уйти от себя, от любви,

от друзей!

30 августа 1986 г.

Ю.-Сахалинск

ТИХИЙ ОКЕАН

II

С детских лет я начал удивляться,
Во дворах романтику искал,
Но приходит жизнь без декораций,
Без аплодисментов под финал.

В воздухе, бесцветном

и стерильном,

Капли непрошедшего дождя...

Океан урчит, как холодильник,

Даже искупаться в нем нельзя!

Пусть опять начнется

жизнь с начала,

Все, что сделано, пускай идет

к нулю!

только бы увидеть у причала
корабли из Лисса и Гель-гю!

Словно из реакторных распадов
йодистые ветры шелестят...
Где ж ты, Флинта буйная ватага,
Где мой перламутровый фрегат?

Сказки мы придумываем сами,
Нет у них начала и концов...
Лодки не увидишь месяцами
А не то что алых парусов!

Где вы, голубые осьминоги?
Где акулы небывалых стран?
...Вышла чья-то рыжая корова
И глядит на Тихий Океан.

30 августа 1986 г.
Ю.-Сахалинск

* * *

Как легко умереть
с целым городом вместе!
Не придется прощать
чьих-то мелких обид,
Не дойдут до друзей
погребальные вести
И не надо ненужных
пустых панихид!

В мой висок целит шея
крылатой ракеты.
Путь ко мне ей в секунды
подскажет компьютер.
Так гигантской,
голодной трубой пистолета
Гулливер, рассердясь,
угрожал лилипутам...

1987 г.

СОНЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ

Есть времена. Их трудно описать.
И пережить — куда труднее.
Привык историк место занимать
Среди пиратов, вздернутых на рее.

В слепых глазницах
прожитых годов
Гнилые доски нар и эшафотов.
В скупых черновиках
последних слов
Истории предсмертная икота.

Пусть прошлое нас учит,
а не мучит!
Его перебирая день за днем,
Благославляем тот нелепый случай,
Благодаря которому живем.

И ищем биографии отцов
В забытых поколеньях мертвецов.
Свердловск.
23-24 июня 1987 г.

СТИХИ НА ЮБИЛЕЙНОМ ВЕЧЕРЕ

70 — как много и как мало...
Только вереницею годин
Жизнь так незаметно пробежала,
Оставляя борозды морщин.

И сегодня, в наше лихолетье,
Мне минувших лет не возратить.
Дети двадесятого столетья,
Кто же выбирал, когда нам жить?

Будут говорить о нас когда-то
Обновленной Родины сыны:
«Это поколение виноватых
И с виной и даже без вины».

70 — как мало и как много.
Год проходит, как мгновенья час.
Собираясь в долгую дорогу,
Я прошу прощения у вас.

За характер — скажем,
не подарок,
За неосторожные слова,
И за то, что мучил вас немало
Я аббревиатурой «БСК»¹.

¹ Буржуазная социология культуры

70 — так много и так мало.
И теперь, на финише пути,
Сколько бы годов мне ни осталось
Я хочу Вам пользу принести.

Мне бы только чуточку везенья,
Если даст судьба хоть горстку лет,
Знаю — мне помогут эти стены,
Мой любимый университет.

Екатеринбург.
Март 1993 г.

* * *

Родная! Не ищи награды
В далеких днях, в краях иных...
Поверь, мне ничего не надо,
И этот стих — последний стих!

Подчас столбы стального моста
Ломают вешняя вода...
И веришь — мне не так-то просто
Идти дорогой в никуда!

Мне хочется в мираж не верить,
Ненужных писем не писать...
Уже давно закрыты двери
В страну, где тишь и благодать!

В порывах северного ветра,
В колючих иглах ледяных
Смешалось все — часы и метры
Забот и горестей моих.

Пишу в последнюю обитель
Добра ли, зла, не знаю сам...
Где ты, мой ангел-охранитель,
Все шляешься по небесам?

Несется дней ненужных конница,
Кареты падают с колес...
Я жду тебя, как жаждет солнца
От тьмы ослепший эскимос!

7 марта 1995 г. Ночь.

* * *

Из веры выйдя, в веру возвратясь,
Забыв сердца на паперти безверья,
Мы с прошлым

устанавливаем связь
Через молчащий телефон доверья.

К чему ни привыкает человек!
Лишь только б души мертвые
не трогать!

...Так, корчась, издыхал ХХ век,
Отвергнутый потомками и Богом.
30 октября 1995 г.

*Стихи подготовлены к печати
заведующей Музеем истории
Уральского университета
В.А. Мазур*

